

С.В. НИКИФОРОВ*

**ФОРПОСТЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ
КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка синтеза институциональной и цивилизационной политологии для изучения форпостов межцивилизационного взаимодействия – мест пересечения пространства различных цивилизаций, на примере регионов, где происходит наложение друг на друга цивилизационных пространств России и Монголии. Актуальность работы связана с закреплением в российском и международном политическом дискурсе и юридических документах цивилизационных положений, а также динамичных и конфликтных трансформаций международной системы. Изучение данных явлений требует новых методологических инструментов, преодолевающих ограничения классического цивилизационного подхода и геополитики. В связи с этим автором ставится цель продемонстрировать возможности применения институциональной и цивилизационной политологии для анализа форпостов как особых элементов цивилизационного пространства. Автор показывает, что институциональная политология позволяет фокусироваться на иерархии идентичностей, практиках политических акторов, включая попытки конструирования цивилизационной идентичности как политической, и цивилизационных основаниях политических институтов, тогда как цивилизационная политология дает возможность учитывать наложение цивилизационных пространств друг на друга, выделять «форпосты межцивилизационного взаимодействия», которые не сводятся исключительно к геополитическим конфликтогенным разломам, ведущим к столкновению цивилизаций. На примере Забайкалья, Бурятии, Тувы и Калмыкии демонстрируется множественный характер идентичностей жителей данных регионов России, которые находятся на пересечении российского и монгольского цивилизационных пространств, и при котором общероссийская «гражданская» идентичность сосуществует с региональным

* **Никифоров Святослав Вадимович**, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: ursus-arktos@yandex.ru

самосознанием. Автор выделяет направления деятельности политических акторов, характерные для данных регионов и особенности протекающих в них цивилизационных процессов. В частности, внимание уделяется практикам поддержания этноконфессионального мира, специфике иерархий идентичностей местного населения, различиям в ценностных ориентирах молодежи, месту межкультурного диалога в жизни регионов и перспективам их становления как точек роста для российской публичной дипломатии. В заключении делается вывод, что позитивный опыт межкультурного диалога в форпостах может стать основой для успешного развития внутренней и внешней политики России в условиях формирования полицентричного миропорядка государств-цивилизаций.

Ключевые слова: институциональный подход; цивилизационный подход; институциональная политология; цивилизационная политология; государство-цивилизация; форпосты межкультурного взаимодействия России и Монголии.

Для цитирования: Никифоров С.В. Форпосты межкультурного взаимодействия России и Монголии как предметное поле институционального и цивилизационного подходов // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 68–87. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.04>

Введение

Развитие различных аспектов цивилизационного анализа в контексте политических наук является весьма насущным вопросом. Функционирование мест пересечения пространств разных цивилизаций является одной из малоизученных проблем цивилизационного анализа. Она особенно актуальна на фоне трансформации международной политической системы и формализации цивилизационных положений в политико-правовых документах целого ряда государств¹. При этом для России, в силу развитого цивилизационного дискурса и богатого этнокультурного и конфессионального состава населения, изучение таких межкультурных пространств имеет особую важность. Положение «Россия – государство (страна) – цивилизация» закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.², Стратегии национальной политики Российской Федерации 2025 г. и все чаще встречается в отечественном политическом³ и научном дискурсе [Багдаса-

¹ Например, КНР, США, Монголии и т.д.

² Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/?ysclid=mn8oigxd5p544530167> (дата посещения: 30.03.2026).

³ Путин В.В. Участникам Международной научно-практической конференции «Горный Алтай – прародина тюрков. К истории зарождения тюркской

рян, 2022; Государство-цивилизация..., 2023; Желифонов, 2024; Ильичева, Лапин, Ильичева, 2024]. Фигурирует она и в высказываниях наших политиков самого высокого уровня¹.

Усилия современных исследователей опираются на концепции основоположников цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера), но стремятся унифицировать терминологический аппарат и разрешить ряд важных теоретико-методологических проблем [Листвина, Орлов, 2007, с. 174–189]. В частности, преодолеть недостатки классического цивилизационного подхода стремится цивилизационная политология – научное направление, возникшее на материале богатого исследовательского опыта совместного российско-монгольского научного коллектива, представленного учеными ведущих российских и монгольских научных организаций² [Железняков, Чулуунбаатар, 2023, с. 18–30]. За счет стереоскопического понимания цивилизационного и политического пространства, она в сочетании с институциональной политологией в наибольшей степени подходит для решения поставленной задачи.

Институциональная политология позволяет рассмотреть цивилизационные и политические процессы с точки зрения институционального взаимодействия, изучения отдельных практик и связей акторов цивилизационных и политических процессов, а цивилизационная политология позволяет учесть взаимовлияние политического и цивилизационного пространств, включая несовпадение границ, их наложение и образование гибридных пространств – форпостов.

Не определение цивилизации является целью этой статьи, а попытка синтеза институциональной и цивилизационной политологии для изучения форпостов межкультурного взаимодействия, однако для операционализации терминов нами будет взят за основу подход синергетики, понимающей цивилизацию как открытую динамично развивающуюся неравновесную самооргани-

цивилизации» (Приветствие Президента РФ В. В. Путина) // Сайт Президента РФ. 8 октября 2024 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75282> (дата посещения: 30.03.2026.).

¹ Там же.

² Институт востоковедения РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт Китая и современной Азии РАН, МГИМО (У) МИД РФ (например, А.С. Железняков, З.Т. Голенкова, Т.Н. Литвинова, С.В. Никифоров) – с российской стороны; Институт истории и этнологии, Институт философии, Институт международных отношений АН Монголии (например, академики Г. Чулуунбаатар, Ч. Дашдаваа, Л. Хайсандай, Б. Энхтувшин С. Чулуун и др.).

зующуюся систему [Асланов, 2020, с. 7], но наряду с этническим фактором нами будут рассматриваться в качестве субстратов цивилизационной идентичности также и иные, отмеченные классиками цивилизационного подхода, в частности культура, религия и общность исторической судьбы.

Подходы цивилизационной и институциональной политологии

С точки зрения цивилизационной политологии пространства отдельных цивилизаций перемешиваются друг с другом в ходе их взаимодействия. За пределами не имеющих четких границ ядер (центров) цивилизаций и выделяются особые зоны – форпосты, в которых происходит взаимодействие разных цивилизаций [Железняков, 2024, с. 185; Железняков, Чулуунбаатар, 2023, с. 10–16]. Опирируя инструментарием институциональной политологии, форпосты межкультурного взаимодействия можно определить как территории на пересечении цивилизационных пространств, где сосуществуют гибридные институты (нормы, объединения, практики) и институциональные поля разных цивилизаций.

Концептуально близкими терминами являются цивилизационное пограничье, которое понимается как «некое пространство (линии)» между несколькими цивилизациями [Садовский, 2015, с. 61] и фронтир как «взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [Андреева, 2014, с. 12–13].

В отличие от пограничья и фронта, форпост – это территория, одновременно принадлежащая разным цивилизациям, а не место столкновения их границ¹. Кроме того, форпост подразумевает и возможность существования пространств цивилизационных «анклавов», что в опирающихся на геополитическую парадигму концепциях представляется трудновообразимым. Примером может

¹ См. подробнее: Никифоров С.В. Межкультурные форпосты как вызовы и катализаторы политического и цивилизационного развития // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 445–446.

служить Калмыкия – регион, географически удаленный от Монголии, но исторически являющийся форпостом монгольской цивилизации в России.

«Государство-цивилизация» – политико-правовое понятие и может пониматься как государство, берущее ответственность за будущее цивилизации, чье цивилизационное ядро (центр) расположено на его территории. «Цивилизационный форпост» относится к цивилизационному пространству, а не политическому. Так, государственные границы не будут в большинстве случаев соответствовать границам цивилизационным, поэтому в нашем понимании границы русской цивилизации выражает именно концепт «Русский мир», а не «Россия – государство-цивилизация», выражающий стремление нашего государства защищать цивилизационную идентичность и обеспечить сохранение русской цивилизации. Поэтому и территории форпостов также не могут быть соотнесены исключительно политико-административными границами или приграничной территорией отдельных государств, хотя нередко с ними и совпадают.

Цивилизационная политология рассматривает субстраты цивилизации как иерархию идентичностей, уникальную для каждой цивилизации. Тем самым разрешается вопрос о единственном критерии, определяющем цивилизационную целостность. Надо отметить, что термин «иерархия идентичностей», как правило, применяется в общественных науках без дополнительной операционализации. Однако имеющиеся определения (например, она понимается как «множественность идентификаций, выстроенных в определенную иерархию» [Назукина, Подвинцев, 2013, с. 47]) во многом отражают и наш подход.

В рамках цивилизационной политологии цивилизационное пространство понимается двудуино: и с точки зрения сетевых отношений на уровне отдельных индивидов – представителей цивилизации, распространившихся по всему миру, и с точки зрения цивилизационного ядра, занимающего конкретные географические пространства. При этом немаловажным становится понимание наложения пространств различных цивилизаций друг на друга, что обуславливает их взаимовлияние и взаимозависимость [Железняков, 2008].

Институциональный подход в широком смысле, в рамках междисциплинарных общественных исследований, может быть охарактеризован рядом особенностей. Как отмечает Ю.В. Ирхин, к ним относятся: осмысление политического института как установ-

ления, как политического образования, как устойчивого типа политического поведения и как устойчивого социально-политического ценностно-нормативного или ролевого взаимодействия [Ирхин, 2015, с. 11]. В то же время предметное поле институциональной политологии является более узким [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 13]. Институциональная политология отказалась от контекстуализма, редукционизма, инструментализма, утилитаризма и функционализма в понимании политики [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 25].

Среди критериев институционального анализа в политической науке в качестве ключевого можно выделить рассмотрение политического процесса и пространства сквозь призму отдельных институтов, причем их можно также определять многомерно как «политическое установление» (нормативная составляющая), «политическую организацию, объединение людей» и как «устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме» [Патрушев, 2001, с. 152].

Следующим важным критерием, дополняющим первый, может считаться «рассмотрение институтов с точки зрения их правовой законности и общественной легитимности, и взаимной совместимости» [Шестов, 2018, с. 432]. Де-факто это синтез правовой сути политического института (норм, лежащих в основе политической деятельности) с концепцией легитимности, что позволяет включить в предметное поле институциональной политологии вопрос о роли легитимации политических практик и действий отдельных акторов.

Аналогично ему можно выделить еще также и условно «властный» критерий, предполагающий восприятие институциональных процессов через концепты «власть», «управление» и «господство» (в частности, определение соотношения данных понятий при операционализации этих терминов к условиям существующей политической реальности [Недяк, 2024, с. 102–162]).

Важным для работы является критерий определения рамок исследования посредством выделения отдельного институционального пространства в виде «институциональной среды» и «институционального пространства». Причем второе в рамках институционального анализа делает акцент на влиянии складывающейся среды на существующие в его рамках институты и среди прочего в отдельных концепциях стремится объяснить иррациональность акторов посредством данного влияния [Панов, 2018, с. 139–144].

Конечно, необходимо отметить, что критерии институциональной политологии отличаются и могут иметь разные определения, вместе с тем отражая общую суть: исследователь, используя институциональную политологию, стремится найти и изучить «некие зоны (или сферы) относительной устойчивости (институционализируемая политика) либо неустойчивости (неинституционализируемая политика) структур, механизмов и ресурсов политики, интересов ее субъектов» [Шестов, 2018, с. 434].

Еще одним критерием можно считать рассмотрение идентичности(-ей) с точки зрения влияния институтов на ее (их) формирование в контексте выявления структуры и структуриации идентичностей [Воденко, Черных, 2015]. При этом в контексте политических наук особое внимание уделяется гражданской и политической идентичности. Институты же, традиционно связываемые с цивилизационным измерением (например, религиозные и этнические группы), воспринимаются как факторы, непосредственно формирующие идентичность гражданскую или социальную, что во многом является упрощением, поскольку «за кадром» остаются идентичности, напрямую формируемые отдельными институтами (те же конфессиональная и этническая идентичности также формируются в ходе институциональных практик).

Принципы институционального анализа также могут различаться в зависимости от позиций отдельных исследователей. Однако можно выделить один фундаментальный – важность институтов. Он, например, в контексте неoinституционализма может пониматься как «представление о политических институтах как реальных акторах, имеющих собственные интересы и определяющих направления и модели активности людей в политике посредством установления ограничений индивидуального выбора» [Ваславский, Габуев, 2016, с. 63]. И также пониматься как свойственный непосредственно институциональной политологии «отказ от предположений о возможности полной информации и о “Суперрациональности” индивида» [Патрушев, 2001, с. 155].

Можно обозначить критерии, которые будут рассмотрены в контексте проблематики форпостов. Таковыми будут рассмотрение политического процесса на их территории в цивилизационном ключе сквозь призму отдельных институтов в их нормативном¹, организационном² и практическом проявлении¹. В том числе эти

¹ Нормы, выраженные в том числе посредством политико-правовых актов.

² Отдельные организации, влияющие на политический процесс.

критерии связаны с вопросом легитимизации власти и основаны на концепции институционального поля и институциональной среды, ограниченной цивилизационным пространством форпостов и позволяющей объяснить общие тенденции развития политических процессов схожими цивилизационными особенностями данного выделяемого пространства. Помимо этого, внимание будет уделено и вопросу идентичностей, выявления тех институтов и институциональных практик, которые формируют отдельные идентичности и влияют на образование своеобразной «иерархии идентичностей».

Применительно к исследованию пространства форпостов межкультурного взаимодействия, в которых происходит «наслаивание» пространства разных цивилизаций, институциональный подход может фокусироваться на иерархии идентичностей, практиках акторов, цивилизационных основаниях институтов и проблеме конструирования цивилизационной идентичности.

Цивилизационные границы форпостов России и Монголии

Россия представляет собой государство-цивилизацию, которое своими корнями врастает в пространство Центральной Евразии [Железняков, 2024]. В свою очередь, Центральная Евразия – это максимально суженное общее пространство, где переплетаются три мировые цивилизации: русская, монгольская и китайская. Разумеется, за пределами этого переплетения каждая из них взаимодействует и с остальным миром – исламским, западным, индийским. Иными словами, Центральная Евразия – это зона наложения друг на друга Большой исторической России, Большой исторической Монголии и Большого исторического Китая. В центре этого пространства находится обширнейший регион, где почти 2500 лет назад зародилась цивилизация многочисленных в основном кочевых народов, которые впоследствии построили великие степные империи. Наиболее крупная из них – Монгольская империя – охватила своими границами территории от русских княжеств до Китая.

Территории потомков кочевых народов образуют цивилизационные пространства, связанные с прошлым всего региона: «Это отражается в широко используемых названиях: тюрко-монгольский, татаро-монгольский, индо-тибето-монгольский, русско-

¹ Сложившиеся практики политических акторов.

монгольско-китайский. За ними стоят целые “миры”, “эпохи”, “цивилизации” и “коридоры”. Сейчас это прежде всего экономический коридор Россия – Монголия – Китай» [Железняков, Чулуунбаатар, 2023, с. 18–30].

Империи Внутренней Азии стали триггером роста не только монгольской, но также русской и китайской цивилизаций. Благодаря этому формировалось многослойное цивилизационное пространство Центральной Евразии, состоящее из больших исторических России, Монголии и Китая. Здесь возникали общие форпосты трех цивилизаций.

Форпосты отдельных цивилизаций, нередко становящиеся местом взаимодействия на линиях сопряжения цивилизационного пространства, порождают особо активное взаимодействие цивилизаций друг с другом.

Регионы и трансграничные пространства, в которых на протяжении длительного времени соприкасаются разные цивилизации, определяются в качестве их форпостов. Так, например, Санкт-Петербург и Калининград можно рассматривать в качестве форпостов взаимодействия западной и русской цивилизации, а Внутреннюю Монголию и исторический регион Маньчжурии – форпостами взаимодействия монгольской (кочевой) и китайской (конфуцианской) цивилизации. Особый интерес для цивилизационной политологии представляют те регионы России, в которых происходит соприкосновение русской и монгольской цивилизации. Форпостами их взаимодействия можно считать республики Бурятия, Тыва, Калмыкия.

Институциональный анализ форпостов межцивилизационного взаимодействия России и Монголии

Выявив границы и некоторые особенности данных форпостов, опираясь на цивилизационную политологию, попробуем применить институциональный анализ для определения характерных норм, практик и организаций-институтов в данных форпостах, их роли в формировании иерархии идентичностей, развитии политического процесса и вопроса легитимации власти.

Но прежде всего отметим, что рамки институциональной среды или институционального поля для форпостов межцивилизационного взаимодействия будут также определяться характерными «цивилизационными институтами», к которым на основании

представлений классиков цивилизационного подхода мы можем отнести религиозные институты, этнокультурные группы, институциональные практики, направленные на поддержание общности исторической судьбы жителей форпостов, развитие межкультурного диалога России и Монголии. При этом необходимо учитывать, что так же, как в случае с государством и цивилизацией, политико-правовые границы для институционального поля не будут в точности совпадать с границами отдельных субъектов и пограничных территорий. Оно будет шире, в большей степени обладая сетевым характером, в частности, за счет тех самых «цивилизационных» институтов, например буддийских религиозных объединений (сангх), принадлежащих к северному (тибетскому) течению данной конфессии.

Буддийская традиционная сангха России (далее – БТСР) формально действует на территории всей нашей страны, но обладает наибольшим влиянием в Республике Бурятия. Вместе с ней существует множество небольших буддийских общин, отдельные храмы и монастыри, расположенные как на территории России, так и в Монголии и Тибете. Они также оказывают значительное влияние на формирование конфессиональной идентичности жителей указанных выше форпостов и за их пределами. Деятельность БТСР – пример институциональной практики. Она конституирует конфессиональную, региональную и этнокультурную идентичности через проект Буддийского возрождения и «сакральную географию», нацеленных на создание единого пространства и системы связей между буддийскими верующими и религиозными институтами [Бадмацыренов, Родионов, 2020, с. 62–85].

Примечательна практика легитимации власти через религиозные организации в истории рассматриваемых форпостов. Непосредственную роль в этом процессе играют религиозные организации. Так, отмечается, что бурятские ламы, начав провозглашать российских правителей воплощением Белой Тары (бодхисатвы) [Урбанаева, 2013, с. 41] еще со времен Елизаветы Петровны, де-факто легитимировали буддизм в качестве одной из конфессий Российской империи. Сегодня они продолжают эту традицию (прерванную ранее в советский период нашей истории)¹.

В рамках институциональной практики в сфере общего исторического наследия стоит обратить внимание на работу, проде-

¹ Медведев стал Белой Тарой // Газета.Ru. – 24.08.2009 г. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml (дата посещения: 05.05.2026).

лываемую общественными деятелями и руководством Забайкалья, Калмыкии и Бурятии в вопросе сохранения общей исторической памяти, которая в последние годы проявляется в том числе в стремлении, традиционно характерном для Монголии и КНР, установить памятники, посвященные Чингисхану. Его место рождения точно не установлено и может располагаться как на территории Монголии, так и России. Данные инициативы вызвали широкие общественные дискуссии, прежде всего в регионах-форпостах¹. Культурные и спортивные фестивали бурятов, тувинцев и монголов выступают «цивилизационным» институтом, формирующим и укрепляющим этнокультурную идентичность и институциональное поле форпостов².

В нормативном разрезе важным становится формальное закрепление «цивилизационной проблематики» в законодательстве субъектов, на территории которых располагаются форпосты. Наиболее заметно это в вопросе регулирования отношений церкви и государства как исторически одних из самых влиятельных социальных институтов. Так, в Бурятии в 1997 г. четыре конфессии получили статус традиционных (буддизм, православие, старообрядчество и шаманизм), но через три года это понятие исчезло из законодательства³.

Схожие тенденции прослеживаются и в Туве. В частности, Закон Республики Тыва № 253 «О свободе совести» от 1995 г. относит к числу традиционных конфессий шаманизм, буддизм и православие⁴. При этом, в отличие от Бурятии, данное положение

¹ См. например: В Калмыкии установили первый в России памятник Чингисхану. – Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/6986166> (дата посещения: 05.05.2026); Памятник Чингисхану в Забайкалье: шаг к примирению или новая линия разлома? – Режим доступа: <https://burunen.ru/news/society/141437-pamyatnik-chingiskhanu-v-zabaykale-shag-k-primireniyu-ili-novaya-liniya-razloma/> (дата посещения: 05.05.2026); Великий хан на плато Танхар. – Режим доступа: <https://gazeta-n1.ru/news/society/159185/> (дата посещения: 05.05.2026).

² Например: Бурятский праздник Алтаргана. – Режим доступа: <https://altargana.info/#about> (дата посещения: 05.05.2026); Игры трех мужей (Наадам или Наадан). – Режим доступа: https://psosh1-djida.gosuslugi.ru/netcat_files/201/4876/Surharban_Tri_igry_muzhey.pdf (дата посещения: 05.05.2026) и т.д.

³ Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/29550105> (дата посещения: 05.05.2026).

⁴ Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 года № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» // Электронный фонд правовых и нормативно-

сохранилось во всех последующих редакциях тувинского закона без изменений. Кроме того, в 1998 г. в Республике утвердили Концепцию национальной политики, которая закрепляла нормы о международных и внешнеэкономических связях, а также о поддержке контактов с иностранными организациями, прежде всего с религиозными. Это имело особое значение для организации обучения лам за рубежом и приглашения иностранных священнослужителей в Туву [Тарбастаева, 2020, с. 14]. Подобные меры были обусловлены необходимостью преодоления разрыва в религиозной традиции, произошедшего в регионе в XX столетии.

На вопросе формирования иерархии идентичностей остановимся отдельно. Можно применить одновременно и цивилизационную политологию для определения отдельных идентичностей как субстратов цивилизационной идентичности, так и институциональную – для определения институтов, которые влияют на их формирование и развитие (что можно было проследить в указанных выше примерах). Конфессиональный и этнокультурный состав форпостов в данном контексте будет предметом анализа, нацеленного на определение иерархий идентичностей-субстратов – определение «главенствующих» идентичностей среди их жителей, соотношения с гражданской и региональной идентичностями.

На примере Байкальского региона отдельные исследования показывают, что его население очень разнородно. В нем переплетаются множество идентичностей: этнических, культурных, религиозных, языковых. Отдельно исследователями отмечается также общность исторической судьбы и природного ландшафта. Хотя у жителей есть и общероссийская (государственная) идентичность, она часто уступает место региональному самосознанию [Антонов, Очирова, 2016, с. 255–256].

Ученые подчеркивают, что россияне сегодня обладают множественной идентичностью. Среди ее видов они выделяют кланово-родовую, территориально-блоковую, этноконфессиональную, национальную, байкальскую (как особую территориальную) и общероссийскую. Кроме того, они вводят понятие «особых уровней измерения» – идентичностей, характерных для конкретных групп. Например, «буряты-казаки» (из-за общей судьбы с монголами), бурят-монгольская (цивилизационный уровень) и «азиаты» (обусловленная географией) [Антонов, Очирова, 2016, с. 255–256].

Переплетение цивилизаций – это благо, но лишь при условии, что в их общих форпостах имеется взаимопонимание. В Забайкалье произошло знаменательное событие: был открыт мемориальный комплекс «Котел дружбы трех стран»¹, символизирующий культурное единство в форпосте общего цивилизационного пространства Россия – Монголия – Китай.

В Бурятии, несмотря на пестрый этнокультурный и религиозный состав жителей республики (среди населения есть и русские-старообрядцы, и новоправославные русские, и буряты-буддисты и буряты-шаманисты), царит этноконфессиональный мир. Согласно мнению исследователей и данным опросов, другая религия или этническая принадлежность не является для большинства населения ни поводом для конфликтов, ни мотивом испытывать какую-либо неприязнь [Жалсанова, 2020].

Аналогичная ситуация и в Туве, развивающейся в условиях постоянного межкультурного взаимодействия, где в условиях трансформаций, переживаемых современным обществом, молодежь тем не менее не утрачивает, а сохраняет духовные ценности ориентиры, фактически воплощая на общественном уровне стремление к обеспечению цивилизационной безопасности [Ноянзина, Максимова, Омельченко, 2023].

Сложность социокультурного состава Калмыкии дополняется также и новым конфессиональным фактором. Вкупе с православием и буддизмом в других рассмотренных нами форпостах межкультурного взаимодействия значимую роль в жизни граждан здесь играет и ислам. При этом представители всех трех конфессий гармонично сосуществуют и успешно взаимодействуют друг с другом, ведя активную общественную деятельность и находясь в постоянном контакте с региональными властями [Уланов, 2019]. Вместе с тем для молодежи Калмыкии духовные ценности не находятся в числе важнейших приоритетов, что не мешает молодым людям высоко ценить патриотизм, стремиться создать крепкую семью и интересоваться историей своей малой родины [Авеева, Задваева, 2023]. В этой связи представляется обоснованным рассмотрение возможности определения ключевых факторов, способствующих формированию различных ценностных ориенти-

¹ «Котел дружбы трех стран» открыли на территории Прионья в рамках Забайкальского внешнеэкономического форума «Новые горизонты» // Официальный портал Забайкальского края. – Режим доступа: <https://75.ru/news/371210> (дата посещения: 30.03.2026).

ров молодежи Калмыкии и Тувы и последующего учета их в формировании государственной политики в регионах-форпостах межцивилизационного взаимодействия.

Рассматривая проблематику цивилизационной и государственной безопасности, можно отметить, что большинство представителей традиционных религий, играющих значимую роль в обеспечении межцивилизационного взаимодействия регионов-форпостов, поддерживали проведение Специальной военной операции России на Украине и массово присутствуют в зоне ее проведения, а также активно занимаются гуманитарной деятельностью по поддержке участников СВО, мирных жителей регионов и беженцев, которых затронули военные действия [Третьяков, 2024].

Хотя на текущий момент исследований, направленных на выявление отношения населения в форпостах межцивилизационного взаимодействия к конфликту на Украине и юге России как экзистенциальному вызову российской цивилизации, проведено не так много, данные отдельных эмпирических исследований позволяют сделать вывод о том, что, например, жители исследуемых форпостов в большинстве своем поддерживают проведение СВО, что может также косвенно свидетельствовать о цивилизационной самоидентификации россиян [Отношение жителей республики..., 2022].

Заключение

В заключение отметим, что использование инструментария институциональной и цивилизационной политологии при анализе форпостов цивилизационного взаимодействия России и Монголии позволяет установить, что воспроизводство современными россиянами опыта форпостов межцивилизационного взаимодействия в строительстве межконфессионального и этнокультурного мира в России является значимым вопросом. Именно от ответа на него зависит будущее развитие Российской Федерации как государства-цивилизации, поддержание межнационального мира внутри нашей страны и гармоничное выстраивание отношений с государствами, существующими в цивилизационном пространстве других цивилизаций.

Складывающаяся иерархия идентичностей и политические практики жителей форпостов указывают на значимость цивилизационного фактора в государственном строительстве и социальной жизни нашей страны. Таким образом, выявлена необходимость

учета не только политической нации граждан, но и их цивилизационной идентичности при реализации Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. и Стратегии национальной политики Российской Федерации 2025 г. Это обретает особую значимость в условиях турбулентного транзита к многополярному миропорядку, в котором ведущую роль играют государства-цивилизации, объединяющиеся в новые институты международных отношений, зиждущиеся на межкультурном взаимодействии, такие как ШОС и БРИКС. Позитивный исторический опыт межконфессионального, межэтнического и межкультурного диалога, воспроизводящийся все новыми поколениями, может стать основой для развития новых направлений внутренней и внешней политики России, основывающихся на идее межкультурного взаимодействия и строительства государства-цивилизации.

S.V. Nikiforov*

Outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia as a subject field of institutional and civilizational approaches

Abstract. This article attempts to bridge institutional and civilizational political science in order to examine the outposts of inter-civilizational contact—areas where different civilizational spaces intersect. It does so through a case study of regions where Russian and Mongolian civilizational domains overlap. Civilization approach in international studies is becoming of paramount importance because of civilizational positions are fixed in Russian and international political discourse and legal documents, as well as in the international system of dynamic and conflict transformation. The study of these phenomena requires new methodological tools that overcome the limitations of the classical civilization approach and geopolitics. The author shows that institutional political science allows to focus on hierarchical identities and practical political actors, including attempts to construct civilizational identity as political and civilization-based political institutions, while civilizational political science makes it possible to take into account the superimposition of civilizational spaces on each other, to highlight “outpost intercivilizational interactions”, which are not seen solely as geopolitical cleavages, leading to civilization clashes. The cases of Transbaikalia, Buryatia, Tuva, and Kalmykia, demonstrate the multiple character of the identities of the inhabitants of these regions of Russia, which simultaneously exist in the Russian and Mongolian civilizational spaces, with the common Russian “citizen” identity coexisting with regional self-awareness. The author highlights the directions of activity of political actors, characteristic of these regions and especially the civilizational processes

* **Nikiforov Svyatoslav**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ursus-arktos@yandex.ru

occurring in them. Such attention is paid to the practice of maintaining ethno-confessional peace, the specific hierarchical identity of the local population, the orientation of young people to the differences in values, the place of intercivilizational dialogue in the life of the regions, and the prospects of becoming a major growth point for Russian public diplomacy. The author concludes that the positive experience of the intercivilizational dialogue in the outpost can become the basis for the successful development of Russia's internal and external policy in the conditions of the formation of a polycentric world order of state-civilizations.

Keywords: institutional approach; civilizational approach; institutional political science; civilizational political science; state-civilization; outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia.

For citation: Nikiforov S.V. Outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia as a subject field of institutional and civilizational approaches. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 68–87. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.04>

References

- Andreeva A.A. «Frontier» as a cultural-historical category. *Bulletin of the Maikop state technological university*. 2014, N 3, P. 11–15. (In Russ.)
- Antonov V.I., Ochirova O.A. Russian identity as a factor of national security in the focus of modern migration processes: regional features and contradictions. *Ensuring national security of Russia in the modern world: Proceedings of international scientific-practical conference*. Irkutsk: BSU, 2016, P. 253–260. (In Russ.)
- Aslanov L.A. *Civilizational analysis of global processes: a tutorial*. Moscow: LENAND, 2020, 344 p. DOI: <https://doi.org/10.29003/m1381.978-5-317-06392-4> (In Russ.)
- Aveeva B.M., Zadvaeva L.N. Patriotism and civic consciousness in the hierarchy of values of the youth of Kalmykia. *Bulletin of the IKIAT*. 2023, N 46, P. 83–90. (In Russ.)
- Aveeva B.M., Zadvaeva L.N., Kal'dinova G.P., Mantsaev N.G., Ubushieva O.A., Unkurov E.Yu. Attitude of the residents of the republic to awarding the title of hero of Russia to natives of Kalmykia. *Bulletin of the IKIAT*. 2022, N 45, P. 72–81. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T.B., Rodionov V.A. Buddhist revival and the construction of the Buddhist community in modern Buryatia. *State, religion, church in Russia and abroad*. 2020, N 1 (38), P. 62–85. (In Russ.)
- Bagdasaryan V.E. The concept of a civilization-state: problems of methodology and political implementation. *Central Russian bulletin of social sciences*. 2022, Vol. 17, N 6, P. 15–29. (In Russ.)
- Ilyicheva L.E., Lapin A.V., Ilyicheva M.V. Moderate conservatism as the ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. 2024, Vol. 32, N 2, P. 24–42. (In Russ.)
- Irhin Yu.V. Rethinking institutional approaches in political science: new perspectives. *Vestnik RGGU. Series: Politology. History. International relations*. 2015, N 1, P. 9–20. (In Russ.)
- Listvina E.V., Orlov M.O. Life space civilization. *Philosophy and society*. 2007, N 1 (45), P. 174–189. (In Russ.)

- Melville A.Yu. New challenges for political science. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 16–36. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.01> (In Russ.)
- Nazukina M.V., Podvintsev O.B. The Russian Federation as a system and hierarchy of identities. *Bulletin of the Perm federal research center*. 2013, N 4, P. 35–42. (In Russ.)
- Nedyak I.L. Power and dominance. In: Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and dominance: Monograph*. Moscow: Political encyclopedia, 2024, P. 102–162. (In Russ.)
- Noyanzina O.E., Maksimova S.G., Omelchenko D.A. Life perspectives of young people based on traditional and modernizing values in construction (Tuva and other regions). *Novye issledovaniya Tuvy*. 2023, N 1, P. 154–169. DOI: <http://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.9> (In Russ.)
- Panov L.G. Political field and institutional logic. *Political science (RU)*. 2018, N 2, P. 136–150. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination: monograph*. Moscow: Political encyclopedia, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. Institutionalism in political science: stages, trends, ideas, and problems. *Political science (RU)*. 2001, N 2, P. 146–186. (In Russ.)
- Sadovsky A. Civilizational borderland between Western and Eastern Europe: foundations and research methodology sociology: scientific and theoretical journal. *Belarusian state university*. 2015, N 4, P. 60–66. (In Russ.)
- Shestov N.I. A simple and complex institutional method of political research. *Proceedings of the Saratov university. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2018, Vol. 18, N 4, P. 430–435. DOI: <http://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435> (In Russ.)
- Tarbasteva I.S. The role of religion in the national policy of the Republic of Tuva: analysis of state programs (2013-2020). *Bulletin of the Buryat state university*. 2020, N 3, P. 11–20. (In Russ.)
- Tretyakov A.V. State-religious relations in crisis situations: support for special military operations in Russian religious organizations. *Voprosy teologii*. 2024, Vol. 6, N 2, P. 301–316. (In Russ.)
- Ulanov M.S. Religii v transkulturnom espertimi Kalmykii i regionalnyi opyt ukraleniya mezhfessesfannykh otsheniya. *Bulletin of the institute for comprehensive research of arid territories*. 2019, N 1 (38), P. 80–82. DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10021> (In Russ.)
- Urbanaeva I.S. Buddhist connotation of the buryat national question in the retrospective of intercivilizational interactions. *Eurasianism and the World*. 2013, N 1, P. 39–56. (In Russ.)
- Vaslavsky Ya.I., Gabuev S.V. The neoinstitutional approach as a methodological basis for the study of e-government. *Bulletin of MGIMO University*. 2016, N 6 (51), P. 60–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-60-75> (In Russ.)
- Vodenko K.V., Chernykh S.S. Institutional aspects of the structuring of civil identity in contemporary Russian society. *Humanities of the South of Russia*. 2015, N 3, P. 27–34. (In Russ.)

- Zhalsanova V.G. Interethnic relations in the Republic of Buryatia in the modern period (based on sociological research). *Theory and practice of social development*. 2020, N 3 (145), P. 18–22. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.3.2> (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S. Civilizational political science: theories and approaches (Analytical review). *Civilizational interaction of Russia and Mongolia in the Eurasian space*. Ulaanbaatar: Institute of philosophy of the Mongolian academy of sciences, 2023, P. 18–30. (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S. Civilization spaces: problems of glocalization. In: Gorshkov M.K. (ed.). *Russia in global processes: search for prospects*. Moscow: Institute of sociology, Russian academy of sciences, 2008, P. 297–314. (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S. The space of civilizational dialogue between Russia and Mongolia: Central Eurasia. *Proceedings of the institute of history, archaeology and ethnography FEB RAS*. 2024, N 44, P. 171–190. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-171-190> (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S., Chuluunbaatar G. Introduction. *Civilizational interaction of Russia and Mongolia in the Eurasian space*. Ulaanbaatar: Institute of philosophy of the MAS, 2023, P. 10–16.
- Zhelifonov M.P. Formation of state-civilization «Russia». *Universum: public sciences*. 2024, N 5 (108), P. 4–10. (In Russ.)
- Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. Gosudarstovo-civilization: concept, essence, structure. *Education and law*. 2023, N 9, P. 80–88. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авеева Б.М., Задваева Л.Н. Патриотизм и гражданственность в иерархии ценностей молодежи Калмыкии // Вестник ИКИАТ. – 2023. – № 46. – С. 83–90.
- Андреева А.А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 3. – С. 11–15.
- Антонов В.И., Очирова О.А. Российская идентичность как фактор национальной безопасности в фокусе современных миграционных процессов: региональные особенности и противоречия // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). – Иркутск: Издательство БГУ, 2016. – С. 253–260.
- Аслазов Л.А. Цивилизационный анализ глобальных процессов: учебное пособие. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 344 с. – DOI: <https://doi.org/10.29003/ml1381.978-5-317-06392-4>
- Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 15–29.
- Бамацыренов Т.Б., Родионов В.А. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 1 (38). – С. 62–85.
- Ваславский Я.И., Габуев С.В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО–

- Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 60–75. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-60-75>
- Воденко К.В., Черных С.С. Институциональные аспекты структуризации гражданской идентичности в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 3. – С. 27–34.
- Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 80–88.
- Жалсанова В.Г. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в современный период (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 3 (145). – С. 18–22. – DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.3.2>
- Железняков А.С. Цивилизационная политология: теории и подходы (Аналитический обзор) // Цивилизационное взаимодействие России и Монголии в пространстве Евразии. – Улан-Батор: Институт философии МАН, 2023. – С. 18–30.
- Железняков А.С. Пространство цивилизационного диалога России и Монголии: Центральная Евразия // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2024. – № 44. – С. 171–190. – DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-171-190>
- Железняков А.С. Цивилизационные пространства: проблемы глокализации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 297–314.
- Железняков А.С., Чулуунбаатар Г. Введение // Цивилизационное взаимодействие России и Монголии в пространстве Евразии. – Улан-Батор: Институт философии МАН, 2023. – С. 10–16.
- Желифонов М.П. Формирование государства-цивилизации «Россия» // Universum: общественные науки. – 2024. – № 5 (108). – С. 4–10.
- Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ильичева М.В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 24–42.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: монография / С. Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Ирхин Ю.В. Переосмысливая институциональные подходы в политических науках: новые перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2015. – № 1. – С. 9–20.
- Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. – 2007. – № 1 (45). – С. 174–189.
- Мельвил А.Ю. Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 16–36. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>
- Назукина М.В., Подвинцев О. Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2013. – № 4. – С. 35–42.
- Недяк И.Л. Власть и господство // Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в

- пространстве власти и господства: монография / С.Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – С. 102–162.
- Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Омельченко Д.А. Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 154–169. – DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9>
- Отношение жителей республики к присвоению звания Героя России уроженцам Калмыкии / Б.М. Авеева, Л.Н. Задваева, Г.П. Кальдинова, Н.Г. Манцаев, О.А. Убушиева, Э.Ю. Ункуров // Вестник ИКИАТ. – 2022. – № 45. – С. 72–81.
- Панов Л.Г. Политическое поле и институциональная логика // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 136–150.
- Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 146–186.
- Садовский А. Цивилизационное пограничье между Западной и Восточной Европой: основания и методология исследований // Социология: научно-теоретический журнал. – 2015. – № 4. – С. 60–66.
- Тарбастаева И.С. Роль религии в национальной политике республики Тува: анализ государственных программ (2013–2020 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 11–20.
- Третьяков А.В. Государственно-религиозные отношения в кризисных ситуациях: поддержка специальной военной операции российскими религиозными организациями // Вопросы теологии. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 301–316.
- Уланов М.С. Религии в транскультурном пространстве Калмыкии и региональный опыт укрепления межконфессиональных // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2019. – № 1 (38). – С. 80–82. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10021>
- Урбанаева И.С. Буддийская коннотация национального вопроса бурят в ретроспективе межцивилизационных взаимодействий // Евразийство и мир. – 2013. – № 1. – С. 39–56.
- Шестов Н.И. Простой и сложный институциональный метод политического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 430–435. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435>